

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Ольга Макаревич

Переосмысление аксиологии и поэтики «Книги пророка Исайи» в творчестве Н. С. Лескова

The article analyzes the perception of The Book of Isaiah by N. S. Leskov on the basis of the notes the writer made as he was reading The Old Testament as well as his fiction and journalism of the 1870-1880s. A hypothesis is developed that it is not only the genre model of hagiography but also the axiology and poetics of prophetic texts that constitute the basis of the poetics of his short stories cycle The Saints. This hypothesis is examined in the context of the idea of intelligent reading and following the Bible that was shared by the writer.

Key words: prophetic text, The Book of Isaiah, works by N. S. Leskov.

Статья анализирует восприятие Н.С. Лесковым Книги Исайи на основе писательских примечаний писателя, сделанных им во время чтения Ветхого Завета, а также на основе изучения его художественных произведений и журналистских статей 1870-1880-х годов. В статье доказывается, что это не только модель жанра агиографии, но также и аксиологии и поэтики пророческих текстов, которые составляют основу поэтики его цикла рассказов "Святые".

Ключевые слова: пророческий текст, Книга Исайи, творчество Н.С. Лескова.

В лесковиане последних двух десятилетий немалое внимание уделяется влиянию новозаветной и агиографической традиции на поэтику произведений писателя. Творчески переосмысляя, трансформируя агиографический канон, Н. С. Лесков, по ставшему общепринятым определению, создает «житие» современного ему «праведника». В качестве своеобразного литературного образца Н. С. Лесков выбирает прежде всего проложные жития византийских святых. Согласно исследованиям И. В. Столяровой [9], В. В. Кускова [2], О. Е. Майоровой [6], Н. Е. Лукьянчиковой [5] и др. можно говорить о том, что к житийному канону восходят тип героя и способы его создания, такие как идеализация, абстрагирование и установление особого настроения, «православного мирочувствования», по выражению Б. И. Бермана [1]. С нашей точки зрения, этот тезис нуждается в корректировке. Несомненно, что лесковские идеальные герои, в том числе и герои цикла «Праведники», — это люди, обладающие не только несомненными достоинствами, но и «странными» качествами. Создавая каждый из образов, Н. С. Лесков, кажется, наоборот идет по принципу

разрушения традиционной житийной схемы. Рассказчики, от чьего лица ведется повествование в цикле, — это люди, близкие к народу, а не отрешенные от мира составители житий. Поэтому герой-«праведник» предстает перед читателем не в величии его нравственного подвига, а в бытовой обстановке, где действует как совершенно обычный человек: из описания «праведников» исключен топос чуда. Герои нередко имеют реальных прототипов, а сам Н. С. Лесков дает часто фактографическое описание той местности, где происходят события (см. описания Парижа в «Пигмее», Солигалича в «Однодуме», Польши в «Русском демократе в Польше» и др.). Цель подобных описаний, включающих в себя географические, политические, экономические и другие факты, — избежать создания абстрактных нравоучительных типов. Объект внимания Лескова-художника — это духовный подвиг, «возвышающийся над чертой простой нравственности». Заметим, что впоследствии в личной переписке Лесков по-своему уточнит данное в «Предисловии» к циклу «Праведники» понимание того, что, по его мнению, «свято Господу». Откликаясь на известие о смерти матери, он пишет (письмо брату Алексею Семеновичу от 17 апреля 1886 г.): «Она <Клотильда Даниловна, вторая жена брата Алексея> не останавливалась на том, что только должно, но смело переходила за черту должного и совершала дела, которые может совершать одна любовь, и любовь истинная и самоотверженная», — оговариваясь затем, что отношения между матерью и невесткой были очень сложными. Речь здесь идет о любви в том смысле, который вкладывал в нее писатель, т. е. об умении «побеждать в себе зло добром».

Своих лучших героев Н. С. Лесков не идеализирует. Скорее, ему свойственна «коварная ирония»¹. Примером ее может послужить рассказ «Пигмей», где осужденный на телесные наказания француз «почел» героя «за пророка», а сам герой иронически отрицает пророческую составляющую своих поступков. Пророческим даром, хоть и весьма своеобразным, наделен и «Однодум» Александр Рыжов. Цитаты и аллюзии к библейским пророческим книгам в рассказах цикла «Праведники» также нередки. Это приводит нас к мысли о том, что если книги Нового Завета получили своеобразное переосмыс-

¹ Термин «коварная сатира» применяла к произведениям Н. С. Лескова И. В. Столярова [9, с. 216 и след.]

ление в таких произведениях как «На краю света» и «Некрещеный поп» [8], то своеобразным «кодом чтения» для рассказов из цикла «Праведники» могут стать пророческие книги Ветхого Завета.

На протяжении всего творческого пути Лесков обращал пристальное внимание на текст Библии, причем не только на Новый, но и на Ветхий Завет. В мемориальной библиотеке Лескова сохранилось несколько изданий ветхозаветных текстов, в том числе издание на французском языке, а также несколько раз перечитанное писателем издание «Книги Священной истории Ветхого Завета» Общества распространения Библии в Британии и в других странах, переведенное с еврейского текста (Лондон, 1875 г.)². К сожалению, не сохранилась елизаветинская Библия, бывшая настольной книгой Н. С. Лескова и, по свидетельству его сына, вся испещренная пометами.

Однако необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, после смерти Лескова его библиотека была разделена между наследниками, и книги фактически собирались его сыном по разным частным и публичным библиотекам. Поэтому каждый раз необходимо атрибутировать пометы Н. С. Лескову. Второй вопрос состоит в сложности установления временного периода, когда они могли быть сделаны.

Пометы в двух томах «Священного Писания» (ОГЛИМТ, Дом-музей Н. С. Лескова, Инв. 610/252 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 83), судя по характеру отчеркивания и используемым карандашам, принадлежат все-таки самому Н. С. Лескову. Об этом свидетельствует, прежде всего, сама система помет: это либо подчеркивание строк, либо отчеркивание абзацев на полях, наконец, страницы, где было отчеркнуто что-то действительно важное, отмечались галочкой. В случае сопоставления двух отрывков, Лесков прописывал на полях цифры — номера глав и строк. Поскольку схожую систему можно увидеть в других изданиях — например, в «Письмах Сенеки к Люцилию», можно утверждать, что пометы принадлежат самому Н. С. Лескову.

В издании есть три типа помет: сделанные синим, красным и графитным карандашом. Сделанные пометы отражают интерес Лескова

² Отметим, что, несмотря на заявленный «перевод с еврейского текста», Ветхий Завет соответствует православному Александрийскому канону. Разница заключается лишь в выборе оригинала для перевода (общеупотребительным на тот момент был сделанный в 18 веке перевод с древнегреческой Септуагинты, известный как «елизаветинская Библия»). В 1880-е годы Н. С. Лесков отмечал, что в обществе больше доверия лондонскому переводу, чем синодальному (РО ИРЛИ РАН, ф. 612, оп. 1, № 117).

к Ветхому Завету прежде всего как к историческому и историографическому тексту: он обращает внимание на родословную, временные соотношения событий, сопоставляет отрывки, относящиеся к схожим событиям и т. п. Подчеркиваются прежде всего имена героев, место действия и т. п. Однако, по мере чтения текста, писатель начинает уделять все больше внимания стилю и поэтике текста, отчеркивает или отмечает галочками ёмкие по содержанию метафорические выражения или вошедшие в язык фразеологические сочетания.

Особое внимание Н. С. Лесков уделяет фигуре Господа, описанию его психологического состояния, отражению его эмоций, а также пророчествам об Иисусе. Пометы доказывают, что Лесков «вычитывает» в Библии образ Богочеловека; эта мысль впоследствии будет развиваться под влиянием Л. Н. Толстого. Чтобы установить тот факт, когда были сделаны пометы, необходимо вспомнить, что в 1875 году Лесков совершает путешествие в Европу, где знакомится с христианской литературой, задумывает написать «русского еретика — духовного христианина». Судя по всему, в этот период и была приобретена книга, вызвавшая определенную дискуссию в печати.

Можно выделить несколько тематических групп помет, которые позволяют проанализировать особенности читательской рецепции Н. С. Лескова. Первая, и самая обширная группа посвящена проблеме отношения мужчины и женщины. Маргиналии отражают интерес писателя к проблеме брака и особенностям брачных отношений, описанных в книгах Ветхого Завета. Н. С. Лесков отчеркивает фразы: «и сказала: ляг со мною», «что ты дашь мне, если войдешь ко мне», «и спал с нею, и сделал ей насилие», «тогда увидели сыны Божии дочерей человеческих, что они прекрасны, и брали себе в жены, какую кто выбрал» и т. п. Создается впечатление, что Н. С. Лесков ищет слова, подходящие для воплощения его собственных творческих идей. Не случайно отношения между Рыжовым и его женой названы в «Однодуме» «библейскими». В то же время, иногда он отмечает и непоследовательность в изложении мысли. Так, в строках из книги Экклезиаста: «И нахожу я, что горчее смерти женщина...» (Эккл. 7:26) Лесков дописывает слово «злая».

Вторая группа помет связана с проблемой власти, точнее, с требованиями к человеку, который будет облечен властью. В качестве примера укажем на выделенный Лесковым фрагмент: «Ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь над ними тысяченачальниками...»

(Исх. 18:21). Одна из ведущих черт, подчеркнутая писателем при создании образов «праведников» — это их «бессеребренничество».

К третьей тематической группе можно отнести пометы, отражающие стремление Лескова понять Библейский текст как сюжетное повествование. Он обращает внимание на возраст героев, на место действия, на описания природы, особенности взаимоотношений между героями и т. п., т. е. систематизирует *факты* библейской истории.

Наконец, четвертая группа помет связана с вопросом об истинной мудрости. Здесь наибольшее внимание Лескова привлекали «Притчи Соломона» и «Книга Иова»: «не найду мудрого между вами», «не многолетние бывают умны», «мудрость поет на улице», «мудростью Господь основал землю, утвердил небо разумом» и т. п.

В «Книге пророка Исайи» Н. С. Лескова привлекают в наибольшей степени два отрывка. Первый связан с идеей наказания и предрекавшегося Исайей Апокалипсиса: «вот пришел день Господень лютый и с гневом и пламенною яростью, чтобы обратить землю в пустыню и истребить от нее грешников ее» (Ис. 13:9). Второй же связан с вошедшим в мировую литературу образом «глас вопиющего в пустыне».

Следующим этапом работы с библейским текстом становится тематический подбор цитат и публикация брошюр, в частности, книжечки «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Святой Библии»³. «Пророчества...» включают в себя пять разделов, отсылающих к ветхозаветным книгам. Каждый из разделов включает в себя несколько глав. Структурообразующими принципами сборника можно считать хронологический (Лесков не меняет установленного порядка следования книг и глав) и проблемный (каждая глава носит свое название, выделяющее центральную проблему). Часть глав носит совпадающие названия: так, в сборнике несколько раз встречаются названия «Мессия в славе», «Мессия в унижении», «Мессия царь» и др.

Основное внимание в антологии уделено «Книге пророка Исайи», точнее тем предсказаниям в ней, которые соотносятся с пришествием Иисуса и сценами Страшного Суда. Лесков последовательно «вычитывает» из библейского текста ту мысль, которую можно

³ Издание вышло без указания на авторство Н. С. Лескова (в других сборниках указывалась его фамилия как составителя) в Санкт-Петербурге, в типографии М. И. Попова в Поварском переулке, в 1878 году. Впоследствии сборник не переиздавался

считать центральной в его позднем творчестве: жизнь во Христе, жизнь по христианским заповедям — это одновременно и жизнь с мыслью о смерти, которая может наступить в любое мгновение. Иными словами, мысли о Боге неотделимы для Лескова от мыслей о наступлении конца и в то же время следующей за ним новой жизни. Двуплановость восприятия образа Христа подчеркивается последовательным чередованием глав «Мессия во славе» и «Мессия в унижении». Возможно, что подобное понимание образа Мессии связано с интересом писателя к еврейскому вопросу: «Из духовных книг евреев, которые чтит и христианство, мы знаем, что, по библейскому представлению, судьбою евреев занимался сам Егова. Евреи Его огорчали, изменяли Ему, преллагались богам чуждым — Астарте и Молоху, и Егова наказывал за это — то домашними несчастиями, то пленом и рассеянием, но, однако, Он никогда не отнял от них надежды. Отчего прощения. Евреи живут ожиданием этого обетования. Тонкие следы этого же ожидания можно читать на каждом выразительном еврейском лице, если только горькие заботы жизни и тяжкое унижение не стерли на нем след высшей мысли» [3, с. 4], — именно так выразил свое отношение к «ветхозаветной вере» Н. С. Лесков в статье «Еврей в России», постулируя тезис о необходимости абсолютно уравнивать в правах еврейское население с великорусским и малороссийским. Одновременно осознание своей обреченности, наказания — и в то же время высокого предназначения, избранности, иначе говоря, «унижения» и «славы» — это та черта, которая позволяет сопоставить лесковское мнение о евреях и его восприятие образа Христа. Эта же причина, возможно, объясняет интерес Лескова к «Книге пророка Исаяи», которую иногда называют «Апокалипсисом Исаяи» и которая является в содержательном плане наиболее полным предсказанием о пришествии Мессии.

В художественных произведениях Лесков обращается прежде всего к тем образам, которые привлекли его внимание при чтении и размышлении над библейским текстом.

В рассказе «Однодум», открывающем цикл «Праведники», характеристика главного героя построена не только на сообщении биографических сведений о его семье и детстве, но и на отсылке к пророчеству Исаяи: «Рыжов, например, знал наизусть все писания многих пророков и особенно любил Исаяю, широкое боговедение которого отвечало его душевной настроенности и составляло весь его катехи-

зис и все его богословие» [4, с. 8]. Затем, используя «принцип матрешки» [7, с. 185 и след.], со ссылкой на слова человека, лично знавшего Рыжова, видимо для того, чтобы дать подтверждение сообщаемой информации, Лесков приводит следующий факт из жизни героя. Алексашка Рыжов нередко читал текст пророчества Исаяи в совершенно непонятной ситуации: он кричал его «встречь ветру» у дуба на болоте. Сложно сказать, что именно стало основой для возникновения подобного образа. Возможно, здесь имеет место отсылка к традиционному фразеологизму «пустить слова по ветру», соответственно, слова, сказанные «против ветра», не могут быть утеряны и играют важную роль. Можно также увидеть переключку с богатырской силой героя, который не только побеждал в кулачных боях, но и мог, подобно пророку, произнести слова столь важные, что они должны быть услышаны и против ветра. Наконец, можно увидеть и сопоставление и с еврейской традицией произнесения наиболее важных частей молитвы непременно вслух (в подтверждение этой мысли имеет смысл вспомнить еврея Схарию, героя рассказа «Ракушанский меламед», который считал своим долгом кричать молитвы как можно громче, демонстрируя тем самым свою благочестивость).

Также необходимо обратить внимание и на то, что именно произносит главный герой. В комментариях к Собранию сочинений Лескова утверждается, что это не совсем точная цитата из «Книги пророка Исаяи». Отметим, что герой цитирует Исаяю по выше упомянуемому переводу с еврейского текста дословно, но с некоторыми купюрами. Он выпускает «авторскую» речь, указывающую на то, что произносятся слова Господа, а также отсылки к Израилю. Этому может быть очень простое объяснение: Рыжову дано предвидеть будущее, его можно назвать предсказателем, но не пророком, который несет слово Господа людям. Лесков также сокращает описания бедствий, постигших народ Израиля, сохраняя лишь то, что может быть интерпретировано метафорически. Однако сохраняет все слова осуждения, которые звучат из уст если не пророка, то человека, который «возвышается над чертой простой нравственности».

В рассказе есть и другая цитата, не замеченная составителями комментариев, восходящая к притче о званых на брачный пир (Мф., 22:1-14). Герой сопоставляет себя с тем, кто пренебрег царской одеждой и предпочел свою, хотя тем самым мог обидеть царя. Однако судьба самого квартального противоположна судьбе героя притчи:

Рыжов был награжден властью, а не наказан за свое вольнодумство. Если же принять во внимание переносное значение слова одежды, имея в виду одежды души, то можно воспринимать смысл этой фразы по-прежнему в контексте осуждения неискренней веры. Прямо эта тема будет высказана в очерке «Еврей в России» также со ссылкой на «Пророчество».

Однако наиболее вероятной представляется трактовка этого образа в контексте «Книги пророка Исаяи». Фраза «не могу, хитон обличает мя, яко несть брачен», ставшая ответом Рыжова на предложение справиться себе форменное платье, соответствующее статусу, соотносится со следующей фразой книги пророка: «Тогда ухватится человек за брата своего. В семействе отца своего, и скажет: у тебя есть одежда, будь нашим вождем, и да будут эти развалины под рукою твоею». Соответственно, «хитон» Рыжова показывает лишь то, что герой чужд власти светской, стремясь лишь к правде духовной, правде Христа.

Цитата из Евангелия от Матфея уже использовалась ранее Н. С. Лесковым в хронике «Соборяне». Отец Савелий Туберозов упоминает ее также в связи с невозможностью купить новое облачение. В отличие от Рыжова, он угнетен невозможностью соответствовать своему сану. Однако семантика образа «хитона» сохраняется: не соответствуя требованиям светской власти, герои тем не менее облечены высшей, духовной властью, являются образцами подлинной веры для окружающих.

Таким образом, одной из важнейших особенностей авторского переосмысления библейских образов и мотивов становится их расширенное понимание Н. С. Лесковым. Каждый образ он воспринимает не в контексте той или иной библейской притчи, но в общем символическом значении, который может быть понят только при привлечении ряда контекстов.

Центральный образ пророчества, вошедший в мировую литературу, — это образ «глас вопиющего в пустыне», который неоднократно появляется и в произведениях Н. С. Лескова. Отметим, что в анализированном выше переводе с еврейского образ этот отмечен двумя галочками: около самой фразы и в углу страницы. Возможно, что эти галочки, ставившиеся в углу страниц, были одним из этапов его работы по подбору цитат. Образ «гласа, вопиющего в пустыне» появляется у Лескова в двух значениях. Первое, вошедшее в язык,

обозначает призыв человека, которого не слышат окружающие. Подобная интерпретация появляется, например, в рассказе «Леон, дворецкий сын». Второе, восходящее к библейскому тексту — это зов человека, ищущего путь к Богу. Такое понимание представлено, например, в рассказе «Колыванский муж», повествующем о человеке, все три сына которого из-за хитрости жены-лютеранки, были крещены не в православной вере.

В заключении необходимо отметить, что упоминание пророка Исайи в текстах Н. С. Лескова может быть связано с венчанием («Житие одной бабы», «Русское тайнобрачие» и др.). Здесь писатель отсылает читателя к традиционному венчальному обряду, частью которого является тропарь «Исайе, ликуй...». Через обращение к нему создается контраст между браком, совершающимся ради выгоды, и браком, благословленным на небесах. Символика образа восходит к православному пониманию.

Чтобы подвести итог всему выше сказанному, нужно отметить, что, работая над своими художественными и публицистическими произведениями, Лесков следует завету одного из своих любимых святых, Нила Сорского, высказывавшего мысль о *разумном* исполнении и чтении Священного Писания. Вчитываясь в текст «Книги пророка Исайи», Лесков выделяет в ней два смысловых акцента. Во-первых, для него это рассказ о будущем пришествии того, кто стоит «выше простой нравственности», поэтому обращение к «Книге» становится основой для возникновения профетического подтекста в «Однодуме». Одновременно этот факт позволяет объяснить, почему же не «уцелела» тетрадь «Однодума» с его пророчествами: намного важнее рассказ о таком герое, чем доказательство его чудесных умений. Герои цикла «Праведники» — это не только рассказы о тех троих, без которых «несть граду стояния», но и повествования о новой, будущей «жизни во Христе», т. е. о людях, живущих по заветам Иисуса. Отметим, что идея «профетической миссии» будет отражена и в очерке «Обнищеванцы» в образе главного героя, «кустарного пророка» Ивана Исая (Исаева), и в очерке «Загадочный человек», посвященном Артуру Бенни, где через отсылку к апокалиптическим образам «Книги пророка Исайи» будут охарактеризованы утопические мечты главного героя о социализме.

Во-вторых, «Книга пророка Исайи» — это книга о возрождении через «уничтожение» и смерть. Проблема ответственности перед ли-

цом смерти приведет к возникновению еще одного сквозного образа: «Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11:6). Этот образ Н. С. Лесков будет цитировать по Исайе (сходный образ появляется в «Апокалипсисе», в Новом Завете), раскрывая с его помощью мысль о боязни смерти, желании победы над ней и о необходимости быть готовым к смерти каждое мгновение.

Список литературы и источников

1. *Берман Б.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // *Художественный язык средневековья.* М., 1982. С. 165–168.
2. *Кусков В.* Литература высоких нравственных идеалов // *Древнерусские предания.* М., 1982. С. 5–22.
3. *Лесков Н.* Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу. М., 1990. — 32 с.
4. *Лесков Н.* Собрание сочинений в 12 тт. Т. 2. М., 1989. — 416 с.
5. *Лукиянчикова Н.* Жанровая специфика жития в художественном осмыслении Н. С. Лескова. // *Альманах современной науки и образования.* Тамбов, 2008. №8. Ч. 1. С. 117–120.
6. *Майорова О.* Рассказ Н. С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции // *Русская литература.* 1987. №3. С. 170–179.
7. *Маркаде Ж.-К.* Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники. СПб, 2006. — 478 с.
8. *Новикова А.* Новый Завет как основа мироустройства в художественно-семантическом пространстве повести Н. С. Лескова «Некрещеный поп» // *Лесковский сборник. Уч. зап. Орловского гос. ун-та.* Орел, 2007. С. 41–48
9. *Столярова И.* В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. Л., 1978. — 232 с.

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Соглашение № 14.132.21.1050.